

ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ЦИКЛЕ А. БЛОКА «КАРМЕН»

© 2007 А.Г. Кулик

Воронежский государственный педагогический университет

В марте 1914 года Блок написал цикл «Кармен», состоящий из десяти стихотворений. Он посвящен певице Л.А. Дельмас, исполнявшей главную партию в одноименной опере Ж. Бизе: «В январе 1918 года я не менее слепо отдался стихии, чем в январе 1907 и в марте 1914 года» [1]. Источников написания цикла несколько: новелла Проспера Мериме, опера и, конечно, реальная биографическая ситуация. Все источники своеобразно отражены в произведении, что вызывает различные подходы к изучению сюжета цикла.

Внимания заслуживают две основные работы, в которых рассматривается лирический сюжет «Кармен». Впервые данный вопрос затронут в статье В. А. Сапогова «Сюжет в лирическом цикле». По мнению автора, доблюковская трактовка «Кармен» (Мериме, Бизе), «связь этого образа с поэтической картиной мира поэта» и реальные события «составляют фабульную ситуацию, точнее — то, что удалось реконструировать в ней, реализованную в сюжетных вариациях ЛЦ А. Блока «Кармен»» [2]. Однако в своей статье В.А. Сапогов не дает четкого определения лирического сюжета, поэтому до конца не ясно, что подразумевается под «фабульной ситуацией».

В качестве рабочего определения сюжета в лирическом цикле в данной работе используется следующее — это система переживаний, мыслей и чувств лирического героя.

В 1995 году в статье ««Кармен». Лирическая поэма как антироман» Е.Г. Эткинд рассмотрел сюжет, исходя из движения местоимений в цикле, и в результате пришел к выводу, что «сюжетное движение в «Кармен» сводится к формуле: Я — ОНА — ЛЮБОВЬ» [3]. Местоимения действительно отражают движение лирической эмоции, но, вопреки мнению автора статьи, схема оказывается другой: сам автор на протяжении цикла, иногда утрированно повторяя, акцентирует внимание на последовательности движения местоимений: я — Вы — ты. Следовательно, «сюжетное движение» в произведении происходит иначе.

Исследователи цикла исходили из сложившейся традиции, стараясь определить, в какой мере эпический сюжет повлиял на цикл Блока, и как он отразился в произведении. Но взаимодействие в «Кармен» двух начал, эпического и лирического, которым соответствуют разные сюжетные линии, до настоящего момента не рассматривалось. Безусловно, источники отражены в произведении, на это указано в самом цикле, но, рассматривая «Кармен» в контексте предшествующей традиции, необходимо исходить из того, что новелла и опера, литературный и музыкальный источники, предполагают сюжет эпический, и что воспроизведение этого сюжета в пределах нескольких стихотворений лирического цикла невозможно. Другой род литературы и поэтическая форма требуют иной организации сюжета, но несмотря на небольшой объем лирический цикл призван раскрыть целую «программу», авторскую концепцию.

Поэтому цель настоящей работы — рассмотреть взаимодействие в цикле «Кармен» традиции и новаторства, эпического и лирического, выявить те закономерности и механизмы, которые позволили в рамках лирического цикла дать интерпретацию эпического сюжета.

Задумав сделать «Изборник» из всей «лирической трилогии», Блок оставил из «Кармен» только первое стихотворение, обозначив его, как и в цикле курсивом:

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы [4].*

Далее курсив в цикле будет использоваться для обозначения опорных моментов лирического

сюжета (отдельных слов) и для выделения чужого слова, — цитат из клавира. Иную функцию выполняет курсив первого текста. Стихотворение, открывающее цикл, является своеобразной наметкой сюжета, который будет реализовываться в последующих текстах, обрстая эпическими знаками, чувствами и переживаниями. Стихотворение задает тот высокий и торжественный тон, который отличает блоковский цикл от текстов-источников, создает его особенность в контексте предшествующей традиции.

Лирику отличает «перенаселенность стихового пространства» [5]. Чем меньше объем художественного произведения, тем большую смысловую нагрузку несут отдельные слова. Блок строит цикл, опираясь на конкретные слова. Слова складываются в определенную систему, которая выражает суть авторской концепции. Особенность цикла «Кармен» — контраст между сложившимся представлением о цыганке и блоковским.

В эпическом сюжете, особенно новелле, образ Кармен более реалистичный, даже сниженный: «Глаза у нее были раскосые, но чудесно вырезанные. Губы немного полные, но красиво очерченные, а за ними виднелись зубы, белее очищенных миндалин. Ее волосы, быть может, немного грубые, были черные, с синим, как вороново крыло, отливом, длинные и блестящие...» [6].

По отношению к этому же образу в первом стихотворении Блок употребляет не просто высокие слова, а архаичные — ланиты, явление. На протяжении цикла это словарное поле продолжает расширяться. Из новеллы Блок заимствует основные характеристики Кармен, знаки ее образа — взгляд, волосы, зубы, осанка, — и дает эквиваленты этих слов, контрастные по отношению к эпической традиции: *явление, взор, очи, стан, лик, золото кудрей*. Архаичная лексика нередко встречается в трилогии Блока, но особенно ею насыщен цикл «Кармен». В пределах одного произведения Блок создает словарь, в котором есть центральные и периферийные слова, то, что ранее было единичным, теперь складывается в систему, позволяющую с помощью нескольких слов создать новый образ цыганки, — «царицы блаженных времен».

Роль периферийных слов в цикле играет привычная блоковская лексика, с помощью которой складывается представление о времени, пространстве, состоянии лирического героя, развитии эмоции (*лёд — снежная весна — таль*). Она создает семантическое поле, контрастное эпическому сюжету: в начале цикла очерчивается действительность, далекая от солнечной Андалузии и необычная для испанской цыганки — Петербург, ранняя весна, мокрый снег.

*На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...*

Первые стихотворения буквально пронизаны привычными блоковскими символами, «словами-остриями», устойчивыми знаками его поэтического мира: *окно, лазурь, сон, вихрь, заря, март, весна, демон, голос, буря, сны, ветер, снег, таль, вербы, розы*.

Параллельно с блоковской системой символов складывается еще одно знаковое поле, связанное с именем. Эпический сюжет дан в цикле, как каркас, объединяющий все стихотворения, который создает иллюзию смены событий, хотя никакого событийного ряда в цикле нет. Эпический каркас является основой, базой для развития лирического сюжета.

Культурный пласт, связанный с именем цыганки, представлен сценами из оперы, деталями декорации, цитатами из клавира, именами персонажей (Хозе, Эскамильо, Цунига, Лиллас-Пастья):

*Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!<...>
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!*

Эпический сюжет воспроизводится в цикле, начиная с первого акта оперы. Более того, сразу же упоминается сцена гадания по руке Цуниги, которая отсутствовала в новелле и была введена в постановку театром Музыкальной драмы. Не новелла («Я отвожу глаза от книги...»), а сценическая постановка вызывает волнение лирического героя и привлекает внимание.

Интересно, что в цикле схематично акт за актом прослеживается сюжет всей оперы. В стихотворениях, пятом и шестом, дан второй и четвертый акт — цыганская пляска в таверне, декорации таверны Лиллас-Пастья, куплеты тореадора, убийство Кармен и гибель Хозе. О завершении эпического сюжета говорит цитата из арии Хозе в стихотворении «Сердитый взор бесцветных глаз...»:

*«Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!»
Кричит погибший человек...*

Кульминационный момент цикла восходит к реальной встрече, которая произошла в театре Музыкальной драмы 2 марта 1914 года. В письме Л.А. Дельмас в тот вечер Блок писал: «Сегодня я узнал, что Вы больше не служите в М.Д. и что Вы в театре. Мне показывали Вас. Я смотрел на Вас, не видя и не слушал того, что делалось на сцене... Не знаю, какой заколдованный цветок Вы бросили мне, не Вы бросили, но я поймал» [7]. Содержание стихотворения отсылает к первому тексту, в котором говорилось о явлении Карменситы. «Явление» – ключевое слово в цикле:

*Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.*

В стихотворении разворачиваются два плана – сцена и партер. Действие происходит одновременно, но на сцене – финал оперы (4 акт), а в партере – начало другого сюжета, – встреча с Кармен. Все, из чего вырастает цикл, – явление, встреча, взгляд, впечатление от образа, на которое наслаивается эпическая традиция. Явление главной героини – «точка отсчета», «момент лирической концентрации». Сюжет в цикле развивается с фиксированной точки, с которой «поэт рассылает свои проекции-излучения во времени и в пространстве...

Для того, чтобы момент лирической концентрации стал основой стихотворения, он должен быть предварен или окружен минимумом эмпирических подробностей, конкретных обстоятельств, аксессуаров, натолкнувших поэта на определенный ход мыслей и на определенные переживания, должен обладать хотя бы некоторой долей коммуникативности, должен быть хотя бы минимально развернут в сюжет» [8].

Так происходит в «Кармен». Блок целенаправленно показывает схему эпического сюжета, он сам указывает на источники – книгу и оперу; предваряет «явление» героини иллюзией сюжета. А в центр произведения помещает реальное событие – встречу в театре, вокруг которой и разворачивается движение цикла. Дальнейшее развитие лирического сюжета происходит на ассоциациях, связанных с явлением героини.

На Вербное воскресенье Дельмас подарила Блоку букет, состоящий из верб, колосьев и роз. Вечером этого же дня было написано стихотворение, построенное на ассоциациях, вызванных букетом и традицией. Подарок Дельмас попал в контекст эпического сюжета: розы ассоциируется с брошенной Кармен акацией и последующим развитием событий, поэтому подаренный букет вызывает чувство страха и естественные вопросы.

*Розы – страшен мне цвет этих роз,
Это – рыжая ночь твоих кос?
Это – музыка тайных измен?
Это – сердце в плену у Кармен?*

Вопросы помещены в контекст эпического сюжета, вне которого они непонятны. Толчком для их возникновения стала встреча с героиней. Вопросы – намек на возможное развитие событий; Блок вызывает известную волну ассоциаций, опорные моменты которой уже дал в предшествующих стихотворениях.

Три вопроса из стихотворения «Вербы – это весенняя таль...» по смыслу соотносятся с тремя цитатами из клавира. «Розы – страшен мне цвет этих роз, / Это – рыжая ночь твоих кос?» – Кармен бросает цветок и Хозе оказывается в ее власти, как предостережение, пророчество звучит цитата из четвертого стихотворения: *Ценою жизни / Ты мне заплатишь за любовь!*

«Это – музыка тайных измен?» – *Уйдем, уйдем от жизни, / Уйдем от этой грустной жизни!* Цитата из арии Хозе, которую он исполняет перед убийством. Причина трагического финала – измена Кармен.

«Это – сердце в плену у Кармен?» – *О, да, любовь вольна, как птица,* – цитата из девятого стихотворения. В ней смысл всей коллизии. Кармен изменяет и для нее это естественно, ведь «У любви, как у пташки, крылья». Хозе этого не приемлет, его сердце в плену, итог может быть только один – смерть.

Цитаты звучат от разных действующих лиц: в первый раз – от имени Кармен, вторая цитата принадлежит Хозе и третья – произносится от имени автора. Все цитаты обозначены курсивом и оформлены как прямая речь, кроме последней, поскольку она принадлежит автору. Получается своеобразное многоголосие: Блок объединяет разные взгляды, как разные составляющие букета. Цитаты из арий Кармен и Хозе, взятые вне текста, являются обращением друг к другу, образуя диалог:

– *Ценою жизни / Ты мне заплатишь за любовь!*
– *Уйдем, уйдем от жизни, / Уйдем от этой грустной жизни!*

К ним примыкает блоковский голос, *О, да, любовь вольна, как птица.* В названии хабанеры выражена та идея, которая сделала этот эпический сюжет вечным, порождая бесчисленное множество интерпретаций.

На три блоковских вопроса получено три ответа, связанных с традицией. Как известно, в лирике Блока есть такая тенденция: ответы на заданные вопросы кроются в последующих текстах. Три последующих заключительных текста – 8, 9, 10 стихотворения – новые ответы.

*Розы — страшен мне цвет этих роз,
Спишь, змею склывая прихотливой,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.*

*Это — музыка тайных измен?
За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!
Это — сердце в плену у Кармен?
Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...*

Блоковские ответы говорят о невозможности продолжения сюжета. Три заключительных текста — три ответа, три гимна, посвященные Кармен, в которых неизменно повторяется ее имя, и с каждым разом все сильнее увеличивается эмоциональное напряжение, разрешаясь в заключительной строке цикла, последнем слове имени — Кармен. Название хабанеры является авторской цитатой, блоковским голосом, добавленным в контекст предшествующей традиции, утверждающим основную мысль эпического сюжета: *О, да, любовь вольна, как птица*, и одновременно блоковский голос поворачивает вспять известную традицию. Как бы второй частью цитаты, завершающей ее, звучит последняя строка цикла: «Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*». Основная идея эпического сюжета «разрешается экзистенциальной темой произведения, бросившей на него обратный свет» [9].

Блок строит произведение на столкновении старого и нового, взаимопроникновении двух сюжетов — эпического и лирического, которые

то приближаются, то отдаляются друг от друга. В цикле Блока нет полемики: предшествующая традиция в художественном мире поэта перестраивается по установленным им законам и приобретает новое звучание. Блок использует традицию, чужой сюжет для того, чтобы открыть в «романе в стихах» очередную новую главу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. / А.А. Блок. — М.: Л., 1960. — Т. 3. — С. 474.
2. Сапогов В.А. Сюжет в лирическом цикле / В.А. Сапогов // Сюжетосложение в русской литературе. — Даугавпилс, 1980. — С.94-96.
3. Эткинд Е.Г. «Кармен». Лирическая поэма как антироман / Е.Г. Эткинд // Там, внутри. О русской поэзии XX века. — СПб., 1995. — С. 79.
4. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1-5, 7 / А.А. Блок. — М., 1997-2003. —Т.3. — С. 149-156. Далее все тексты Блока цитируются по этому изданию.
5. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начале XX века / Н.А. Кожевникова. — М., 1986. — С. 194.
6. Мериме П. Собр. соч.: В 6т. / П. Мериме. — М., 1963. Т. 2. — С.346.
7. Письма А.А. Блока к Л.А. Дельмас // Звезда. — 1970. — № 11. — С. 190.
8. Сильман Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. — Л.О.: Советский писатель. 1977. — С. 31.
9. Гинзбург Л.Я. Частное и общее в лирическом стихотворении / Л.Я. Гинзбург // О старом и новом. — Л., 1982. — С. 29.

Рецензент — С.В. Савинков.

Статья принята к печати 14.02.2007